

варягов было двояким: среди последних были и *свои*, и *чужие*. Отношение к варягам во многом как к *своим* объясняется не только тем, что князья и значительная часть древнерусской знати имели варяжское происхождение, но и большей этнокультурной близостью, и более высокой позицией, занимаемой в выстроенной в общественном сознании иерархии этносов. Свои варяги, судя по элитным качествам (*смысленные*), которыми характеризуются их представители в ПВЛ, стоят выше основной массы восточнославянских племен, уступая только полянам. Показательно, что эпитеты высшего качества (*смысленный* и *мудрый*) могут относиться к византийцам, но не прилагаются к представителям тюркских (аварам, хазарам, печенегам) и восточнославянских (кроме полян) этнообразований.

Как объяснить расхождение в ПВЛ между высоким статусом славянства в целом и основной массой конкретных восточнославянских «племен», которые, по ряду признаков, поставлены едва ли не в один ряд с кочевниками? Едва ли только низким статусом данников, каковыми по отношению к Киеву являлись восточнославянские племена. Потомкам полян надо было идеологически обосновать свой привилегированный статус в отношении потомков других восточнославянских «племен». Для летописца-киевлянина приоритет потомков полян перед иноэтничным окружением казался фактом, не требующим доказательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1997. Т. 1. Стб. 10-11; ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 8.
2. Ведюшкина И.В. Этногенеологии в Повести временных лет // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования: 2002 год. М., 2004. С. 54-55.
3. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10-14; Т. 2. Стб. 7-10.
4. Там же. Т. 1. Стб. 17; Т. 2. Стб. 12.
5. Там же. Т. 1. Стб. 56, 67, 70, 263-264; Т. 2. Стб. 44, 55, 58.
6. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Норманны и варяги. Образ викинга на Западе и Востоке Европы // Славяне и их соседи: Этнопсихологические стереотипы в средние века / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 1990. С. 63.
7. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 148; Т. 2. Стб. 136.
8. Там же. Т. 1. Стб. 136; Т. 2. Стб. 123.

Камалутдин Магомедович КАМАЛОВ —
ст. преподаватель филиала
Удмуртского государственного университета
в г. Губкинский
fudgu@list.ru

УДК 94 (47157):930

СОВРЕМЕННЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИКИ О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ВЕЧА

Аннотация. Статья посвящена проблеме социального состава древнерусского веча в современной отечественной историографии.

Summary. The article is devoted to the problem of the social structure of the Old Rus' veche in the Modern Russian historiography.

Ключевые слова. Вече, Древняя Русь, историография.
Key words. Veche, Old Russia, historiography.

В постсоветской историографии при изучении социальной природы древнерусского веча, с одной стороны, продолжают развиваться подходы, заложенные в трудах предшествующих поколений отечественных историков, а с другой, идет поиск новых путей решения данной проблемы. Например, А.В. Петров в своих исследованиях переносит акцент с социальной характеристики новгородского веча на особенности административного устройства волховской столицы. Он считает, что «городское вече Новгорода — это в первую очередь собрание кончанских общин, подчас не могущих “сойтись в одну речь”» [1]. Истоки этого противостояния ученый уводит в родоплеменную эпоху и усматривает корни данного явления в дуальной организации первобытно-общинного общества.

С новых позиций решил подойти к вопросу о том, «кто мог участвовать в вече», и О.В. Мартышин. Проведя историографический экскурс, он пришел к выводу, что для решения этой проблемы необходим синтез двух непримиримых точек зрения [2]. По представлениям О.В. Мартышина, «вечевые порядки исключали возможность серьезного обсуждения вопросов», поэтому «роль рядовых граждан сводилась лишь к подаче своего голоса за или против», а городская гольтьба «за плату или угощение верно служила глотками или кулаками боярству при народных волнениях» [3]. В своих построениях историк использует гипотезу В.Л. Янина о боярской патронимии, обеспечивающей, по его мнению, «слабость социальных низов..., незыблемость руководства аристократических родов». О.В. Мартышин приходит к выводу, что «вече, будучи по форме институтом непосредственной демократии, служило специфическим средством проведения боярской политики» [4]. Словом, новый подход обернулся старыми выводами.

Фактически к точке зрения сторонников аристократического характера древнерусского веча склонялся и А.П. Новосельцев, который считал, что даже «знаменитое новгородское вече на деле выражало интересы новгородского боярства и крупного купечества». По его словам, не только в Новгороде, «но и в остальных княжествах роль городских верхов была немалой, и с ней должны были считаться и князья, и бояре» [5].

В современной историографии точку зрения об элитном составе вечевых собраний особенно активно развивает сотрудница Института Украины НАН Украины Т.Л. Вилкул. По ее мнению, «записи о вече не отражают непосредственно факты социальной и политической жизни, а содержат... нарративные схемы». Само же вече «было собранием верхушки местного социума, а его состав часто отождествлялся со всей дружиной князя» [6].

П.В. Лукин, напротив, генезис вечевых собраний связывает со становлением древнерусского города. Анализ начального летописания убедил его в том, что «в представлении русских летописцев вече» в Древней Руси тесно связано с городом. «Даже ранние, отрывочные летописные упоминания веча и других форм коллективной политической деятельности убедительно свидетельствуют о том, что в них участвовали отнюдь не только «феодалы верхи», но значительно более широкие массы горожан». Помимо представителей общественной элиты, в вече принимали участие «люди градские» — «полноправные свободные горожане» [7].

Точку зрения И.Я. Фроянова о демократическом составе древнерусского веча поддержал В.В. Пузанов. Он указал на противоречия в построениях В.Л. Янина, который, с одной стороны, пытается доказать, что вечевая площадь в Новгороде не позволяла вместить более 400-500 человек, а с другой, отмечает «гласность народного собрания», проходившего «под открытым небом», что якобы создавало у простых новгородцев видимость «деятельного участия, когда криками порицания и похвалы реагировали на ход дебатов». Автор в этой связи задает вопрос В.Л. Янину: «Каким образом простые и наивные новгородцы могли «крика-

ми порицания и похвалы реагировать на ход дебатов», если они физически не могли вместиться на вечевой площади?» [8].

О широком социальном составе вечевых собраний в Древней Руси говорится в последних исследованиях А.В. Майорова, который стремится показать «шаткие основания» построений В.Л. Янина [9]. Сам же А.В. Майоров полагает, что правом голоса на вече пользовались «не все свободные жители, а только главы больших семей, «мужи», как их именуют древнерусские источники: на вече они принимали решения за себя и за своих «детей», физически вполне взрослых, но не достигших еще гражданского полноправия» [10].

Двойственной позиции по вопросу о социальном составе древнерусского вече придерживается А.Н. Сахаров. По его мнению, хотя на вечевых собраниях «заправляли в основном наиболее влиятельные, богатые горожане, они сохранили свои народные черты» [11]. Касаясь новгородских событий 1136 г., историк отмечает, что после них «к власти в Новгороде окончательно пришла городская аристократия — крупное боярство, богатое купечество, архиепископ», а сам Новгород «вышел на дорогу полной независимости от других русских княжеств, стал своеобразной аристократической республикой, где несколько крупных боярских и купеческих фамилий, посадник, архиепископ, определяли всю политику Новгородской земли» [12].

В.В. Момотов, рассмотрев взгляды И.Я. Фроянова, П.П. Толочко, В.Л. Янина и М.Б. Свердлова, приходит к выводу, «что вече в своем развитии проходит несколько этапов — от племенных собраний, где, несомненно, все взрослые мужчины («домовладыки») принимали активное и реальное участие в выработке государственных решений, до этапа, когда в вече решающую роль начинают играть власть имущие, т. е. собственники, как это было в Новгороде, или князь со своими боярами, как это было на юге Руси». Поэтому «надо различать вечевые собрания IX-X вв. и аналогичные собрания XIII-XIV вв. По мере развития вечевые собрания утрачивают свою демократичность, меняется и социальный состав вече. К участию в работе, а самое главное — при принятии решений... приглашаются крупные собственники, политическая элита. Постепенно в процессе эволюции вечевые собрания становятся аристократическими, а не народными» [13].

Интересный взгляд на состав вече высказал Ф.И. Филюшкин. По мнению исследователя, «вече формировалось путем делегирования представителей городских районов (*концов*) на общее совещание. В нем также участвовали носители местной административной власти (*посадники*), руководство городского ополчения (*тысяцкие*), служители церквей и монастырей. Обычно на совет в крупных городах собиралось до 500 человек» [14].

Таким образом, несмотря на большую историографическую традицию, проблема древнерусского вече далека от своего окончательного решения. Сложность современной историографической ситуации наглядно отражают рассуждения И.Н. Данилевского. По его мнению, социальный состав вече изменялся во времени. «Если в древнейший период это было действительно «народное» собрание самых широких кругов взрослых свободных членов племени, то на последних этапах своего существования вече становится представительным органом городов (при этом социальный состав его пока не поддается уточнению)» [15].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См. напр.: Петров А.В. О некоторых спорных вопросах изучения социально-политической истории Новгорода начала XIII в. // Актуальные проблемы историографии дореволюционной России. Ижевск, 1992. С. 75; Он же. Вечевой Новгород // История России: народ и власть. СПб., 1997. С. 95-132.

2. Мартышин О.В. Вольный Новгород: Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 7, 183.
3. Там же. С. 110, 189.
4. Там же. С. 111, 188.
5. Новосельцев А.П. Древнерусское государство // История Европы: В 8 т. М., 1992. Т. 2. С. 207-208; Он же. Государственный строй Древней Руси // Российская государственность: исторический аспект. М., 1995. С. 11.
6. Вілкул Т. Л. Віче в Давній Русі у другій половині XI-XIII ст.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ, 2001; Она же. Дружина-вече // Государство и общество. 2002. № 1. С. 13-38.
7. Лукин П.В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 98, 129.
8. Пузанов В.В. Народ и власть в городах-государствах Древней Руси // История России: Народ и власть. СПб., 1997. С. 60-62.
9. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 18-19.
10. Майоров А.В. О составе участников древнерусского вече (по материалам Новгорода и других регионов Древней Руси) // Петербургские чтения-96: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1996. С. 326-329; Он же. Галицко-Волынская Русь. С. 16.
11. Сахаров А.Н. Становление раннефеодальных отношений. Государственная власть. Города. Торговля. Армия // История России с древнейших времен до конца XVII в. / Отв. ред. А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев. М., 1996. С. 134.
12. Сахаров А.Н. «Господин Великий Новгород» // Там же. С. 206.
13. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв. М., 2003. С. 65-66.
14. Филюшкин А.И. История России с древнейших времен до 1801 г.: Пособие для вузов. М., 2004. С. 44.
15. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.). М., 1999. С. 101.

*Игорь Геннадьевич ШИШКИН —
доцент кафедры отечественной истории
Института истории и политических наук
Тюменского государственного университета,
кандидат исторических наук
vip@depon.tyumen.ru*

УДК 94(47157):930

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИКИ XX — НАЧАЛА XXI вв. О СУЩНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ УПРАВЛЕНИЯ В ЕДИНОМ РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В КОНЦЕ XV–XVI ВЕКАХ

Аннотация. Статья посвящена анализу отечественной исторической мысли XX в. по проблемам развития политических форм управления в едином Русском государстве.

Summary. The article is devoted to the analyses of the historical views in Russia at the turn of the 20th century upon the development of ruling political forms in the joint Russian state at the turn of the XV century.

Ключевые слова. Форма управления, русское государство XV–XVI в., историография.

Key words. Ruling forms, Russian state XV–XVI century, historiography.